
Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	44
Глава 5	56
Глава 6	69
Глава 7	81
Глава 8	95
Глава 9	105
Глава 10	121
Глава 11	133
Глава 12	146
Глава 13	160
Глава 14	174
Глава 15	191
Глава 16	207
Глава 17	219
Глава 18	233
Глава 19	244
Глава 20	256
Глава 21	269
Глава 22	283
Глава 23	294

Глава 1

Как только Ася спрыгнула со второй полки плацкартного вагона, отец неожиданно потребовал, чтобы она надела плащ.

Ася откликнулась не сразу, молчала несколько секунд, соображая, с чего вдруг отец стал таким заботливым. Никогда вроде бы такой чуткостью не отличался...

— Надень, говорю, — продолжал настаивать отец.

В вагоне жара, духота. Воздух настолько спёртый, что возникает ощущение, будто тебе в горло засунули чьё-то нестираное бельё.

Отец уже не говорит, просто тычет Асе в лицо её нейлоновый шуршащий плащ, настолько мятый, словно побывал в пасти голодного дракона.

— Не хочу, — Ася забрала плащ, скомкала, попыталась вернуть в сумку.

Отец смотрит с беспокойством. Ася пытается понять, что это с ним. Старческий маразм? Раньше-то всё было наоборот: её красный плащ отца раздражал. Она кружила перед ним в новинке, а он старательно отворачивался, мучаясь от её обременительного присутствия и сентиментального восторга. Его раздражали её высокие каблуки, яркая помада, короткая юбка. А она постоянно вертелась рядом и хвасталась новинками: то платьем в обличку, то клетчатой юбкой с разрезом вдоль бедра.

Сотни раз он ловил себя на мысли, будто чего-то ждёт от неё. Может, признания? Однажды откроет дверь и скажет ему, что она — вовсе не его? Ну не может у такого плюгавенького мужичонки, как он, родиться такая дочь. На голову выше, волосы вьются большими кольцами, чёрные брови очерчены чёткими дугами над большими голубыми глазами. Глаза похожи, а всё остальное — чужое.

Его задачей было вырастить дочку: кормить-поить, одевать, следить, чтобы вовремя садилась за уроки. Но к тому, что дочь превратится в такую красавицу, он был не готов.

— Надень плащ, — требует отец, а сам смотрит на седовласую женщину, примостившуюся за столиком у окна. Она, кажется, понимает, почему мужчина так настойчив.

Ася мотает головой.

Отец встаёт.

— Садись. И не трогайся с места, пока я не приду. Нам через две станции выходить.

— А чай?

— Сейчас принесу.

Ася смотрит в окно. Из-за рамы медленно выплывает большой город. Невысокие дома постепенно растут ввысь и вширь, красятся из серого в жёлтые, синие и коричневые, деревянно-пригородные сменяют каменно-городские. Как всё-таки Пермь отличается от Губахи!

У Аси грандиозные планы. Как все девчонки из 10 «А», она мечтает поступить в Пермский фармацевтический институт, хотя сама окончила 10 «Б». Так получилось, что в «А» у неё оказалось больше подруг, чем в своём. Ася целый год налегала на химию, потом еле уговорила отца проводить её до Перми и помочь подать документы.

— Девушка, — тихо говорит седовласая женщина, присаживаясь за столик напротив Аси.

Ася не откликается.

— Девушка, — требуя внимания, стучит пальчиком по столешнице женщина, — наденьте плащ. У вас сзади юбка грязная.

Ася понимает не сразу, а когда доходит смысл, вскакивает, перетягивает юбку вперёд. Да что ж такое? Ещё свежее пятно, удлинённое по вертикали, словно криво улыбается. Как же так! Асе не верится в свой позор, особенно перед отцом. Он же говорил! Подсказывал!

«Может, застирать? — оглядывается. — Не успеть! Очередь в туалет на полвагона!»

Господи! Как хочется вернуться в Губаху, спрятаться с головой под одеяло и плакать там всю ночь.

Когда отец вернулся, Ася сидела в плаще, застёгнутом на все пуговицы.

Отец благодарно улыбнулся седовласой женщине, поставил чай на столик, развернул газету с завтраком: четыре яйца, чёрный хлеб, четыре картофелины.

Есть не хотелось. Аппетит пропал напрочь.

— Ешь, — приказал отец и щедро макнул картофелину в соль. — Целый день бегать.

Хотя дул дневной ветер, ходить по городу в плаще было жарко. Из чьих-то окон хриплым голосом пел Высоцкий... Все, казалось, предавались радостному и беспечному существованию, только Ася с отцом нацеленно бродили по улицам в поисках института. Забрели в узкую улицу и обнаружили стоящую поперёк тротуара продуктовую машину-фургон. Её лениво разгружали люди в замызганных синих халатах. Звенели молочные бутылки, ухали поддоны с хлебом. Из подсобки разгрузкой руководил женский голос.

Ася попыталась проскочить перед грузчиком и тут же попала под лавину его мата и напора. Она стояла остолбеневшая, а он проследовал мимо неё с сознанием важности всего сказанного. Белый от муки, он ступал на грохочущие доски, приставленные к борту машины, отработанным движением цеплял мешок на спину и, сутулясь под тяжестью, возвращался в беззубую пасть магазина. За ним шёл следующий грузчик, его огромный рост невольно вызывал страх и уважение у случайного прохожего. Такой наступит и не заметит.

Отец потащил Асю обойти машину кругом, но они наткнулись на женщину с косой в руках. Она безостановочно секла травяные поросли, что, казалось, росли здесь испокон веков. «Вжик-вжик!» — создавалось впечатление, что с таким плачем трава падает на землю.

На другой стороне тротуара остановилась группа пионерок в сандалиях на босу ногу, в мятых блузках, коротких юбках, красных пилотках, с важной радостью на детских лицах. Их внимательные глаза были полны безмерным восторгом от всего происходящего. Каждая девчонка двигалась, стараясь соблюдать общий строй, который пыталась создать пионервожатая. Её пушистые волосы при каждом взмахе руки рвались в стороны, как козий пух. И посреди всего этого воздушного, светлого, веснушчатого — широкая улыбка с редко расставленными зубами.

Пионервожатая улыбалась всему миру. Удивительно: при такой скудости тела такая красота выражения радости жизни!

— Раз! Раз! Раз! — маршировала пионервожатая на месте, чем забавляла и злила грузчиков.

Белобрысый смачно сплюнул:

— Нашоркать бы ты вехоткой.

— Девочки-и-и! — протянула вожатая. — Даввай!

Одна пионерка вскинула руки, размашисто ударила по барабану. Остальные подались в стороны и обнажили красный транспарант с белыми буквами: «Спасибо за труд!»

— Пропусти, — вяло приказал один из грузчиков. — А то мозг вынесут.

Как в детской игре, грузчики с мешками и ящиками замерли на месте.

Пионеры шумно просочились сквозь них и заиграли вдали.

— Э, красный плащ, шагаешь или нет? — грузчик вытащил из ящика бутылку молока, выдавил пальцем неокрашенную крышку из фольги, принялся жадно пить.

Ася с отцом заторопились дальше. Вслед за ними ветер потащил скошенные травинки, после неожиданного короткого путешествия им предстояло смирение в земле, усыхание на обочине или гибель под сандалиями прохожих. Ася подобрала одну из

травинки, достала из сумки учебник по химии и положила травину между страниц.

Они стояли перед зданием института, и Ася уже мысленно видела себя в белом халате, за аптекарской стойкой провинциального городка. Кругом шкафы с таблетками, полки с бутылочками, в углу новые коричневые костыли с чёрными резинками на ножках. Почему-то именно такая картинка рисовалась в голове. Больше всего пугали детские костыли с запахом свежего лака. Именно такие она однажды увидела в аптеке. Хотя в тот день на прилавке стояла трёхлитровая банка с пиявками. Они метались по воде чёрными пиками и терроризировали посетителей своим угрожающим видом, а Асю страшили именно детские костыли.

Ася знала, что придётся сутками просиживать в библиотеках и погружаться в толстые тома медицинских знаний. На самом деле, наверное, больше всего предстоит корпеть над латынью. С языками у Аси проблема — чужие слова не запоминались, вылетали из головы птенчиками. Но не одной же ей будет тяжело! Она будет в окружении проникновенных юношей в очках и светловолосых девушек с задумчивыми глазами. Они будут колдовать над спиртовками, колбами, нервно грызть ручки и карандаши. Надо обязательно купить дорогую ручку с кнопочкой. Можно ручку и не грызть, а бесконечно щёлкать кнопочкой, чтобы кончик пасты выпрыгивал-запрыгивал, а ты с умным видом прислушивалась и думала над химической формулой... Надо не забыть выпросить у матери маленькую белую кастрюльку для манной каши.

Отец в сотый раз терпеливо дёрнул дверь института, стукнул в соседние окна, перечитал режим работы, развёл руками.

— Суббота, выходной, — роптал он, оглядываясь на Асю.

Но Ася уже воздвигла себе арку событий и сдерживать свой победный марш не собиралась. Она

возмущалась тем, как можно отдыхать в такой судьбоносный период, когда со всей страны сюда едут выпускники. Им что? Студенты не нужны? Да в стране миллион вузов, которые ждут не дождутся студенток с прекрасным аттестатом, в котором всего две тройки — по английскому и русскому... От каждого недоброго слова её трогательное приветливое личико превращалось в надменное верблюжье с отвислой нижней губой.

Вдобавок Ася изнывала от пота. Как назло, сегодня солнце было щедро на тепло, а прорезиненный плащ не пропускал воздух, создавая эффект парника. Сначала Ася крепилась, надеялась, что сейчас подадут документы, вернутся на вокзал, а там она помоеется, переоденется. Хотя переодеваться было не во что. Ничего с собой не взяла. Задерживаться не собирались, хотели обернуться одним днём. Что сейчас делать? Ждать понедельника? А ночевать где? В Перми ни знакомых, ни родственников. Да и денег полкопейки, только на обратную дорогу.

— Пап, дай две копейки?

Отец пошевелил плечами, словно попытался сбросить с себя предчувствие конфликта.

— Зачем?

— Нужен автомат. Позвоним ректору. Пусть открывает!

Отец открыл кошелёк, долго в нём ковырялся. Видно было, как дрожали пальцы, как вздувались жилы под татуировкой восходящего солнца на руке. Смотреть на татуировку сейчас было совсем невозможно. Кажется, от каждого движения отца лучи увеличивались и удлинялись. Двух копеек не нашлось. Пришлось тащиться до ближайшего магазина для размена, затем искать телефонный автомат. Ася положила монету в паз и поняла, что не знает номера. Куда звонить? Ася смотрела на серую тяжёлую трубку и придумывала ей экзекуцию: ударить, порвать, оставить висеть с бесконечными гудками в пустоту. Как заставить этот бездушный аппарат передать ректору

института нужные слова? У ректора, в отличие от бездушного автомата, точно есть жалостливое сердце, которое тебя поймёт. Ректор прибежит сам, примет документы, извинится за предоставленные неудобства и примет Асю в институт без экзамена.

Словно прогоняя Асину сказку, в углу будки квакнула жаба. Тут же её пупырчатые щёки раздвинулись, стрельнул язык, и пойманная муха пропала в жабьей пасти. «Так трагичен удел мухи», — наверное, квакнула жаба и не мигая уставилась на Асю.

Ася хлопнула дверью будки и присела рядом с отцом на невысокий штакетник. Постаралась устроиться так, чтобы деревянные треугольные штыри брусков не сильно впивались в тело. Жутко неудобно, но привычно. С детства так делали. Сегодня сидеть на штакетнике оказалось невыносимо, нижняя часть тела мгновенно отозвалась зудом и болью.

— Что будем делать? — отец отломил от хлеба добрую половину, протянул Асе.

Откусила, почувствовав кисловатый привкус чёрного хлеба, заплакала.

— Там в будке жаба. Наверное, из института сбежала. Говорят, там их режут для опытов.

— Мы во время войны их ели, — улыбнулся отец. — Их в кумыс клали. Мы пили кумыс и лягушками заедали.

— Ужас! Зачем в кумыс-то?

— Они ж холодные. Вот и холодили.

Ася внимательно посмотрела на отца. Она была поздним ребёнком, и, скорее всего, отец в недалёком будущем станет ветхим, костлявым стариком. Начнёт впадать в уныние, бесконечно поучать молодежь, ворчать в магазине, на почте: «Вот мы в наше время» — или того хуже — писать клеветы в центральные газеты и Комитет партии. Отец в партии не состоял, был серой прослойкой между «за» и «против». Но при этом был честен и справедлив. Однажды нашёл на улице тридцать рублей и отнёс в милицию. Милиционеры удивились и даже попробовали уговорить отца

забрать деньги обратно. Но он отказался и потребовал от милиции найти растеряху. Конечно, судьба денег осталась неизвестной, но через неделю в местной газете про отца появилась хвалебная статья. Мать гордилась, а соседи откровенно ржали, называли дураком и блаженным. После статьи продавщица в магазине в шутку посоветовала отцу купить лотерейный билет.

— Раз фартит, пробуй.

Отец согласился, и семейный бюджет пополнился тремя рублями. С тех пор продавщица неизменно на сдачу подсовывала билетик, и он всегда был выигрышным — рубль, иногда три. Приметив такую роскошь, продавщица сама стала покупать билетики, но у неё не ладилось. Да и у отца был тот же ноль, если покупал билет по собственной воле. Тут срабатывала какая-то неведомая парадоксальная игра. Для выигрыша надо было обязательно соблюсти традицию. От продавщицы — два-три раза в месяц сдача лотерейным билетом, от отца — покорность и на Восьмое марта букетик искусственных фиалок.

— На вокзал? — устало спросил отец. — Сама потом приедешь.

Отец поднялся, отряхнул зад от кусочков растрескавшейся краски штакетника и неспешно зашагал к вокзалу. Его сопровождали жаркий поплавок солнца, неокрепшие облака, васильковая гладь неба. Мимо медленно проплывали дома, в окнах волшебными королевскими накидками шевелились тюлевые занавески.

Отец никогда не упускал случая помолчать. Спрашивать что-то было просто бесполезно. Вот если бы сейчас они шли с учительницей истории, она бы воспользовалась возможностью втемашить в голову ученицы всякую историческую или архитектурную белиберду: «Видите, — стала бы говорить она и махать руками, — впереди нас ожидает Мотовилихинский район. Он прославился тем, что во время революции

1917 года рабочий завода Гавриил Мясников стал организатором и инициатором убийства отправленного в Пермь великого князя Михаила Романова, которого многие сегодня называют Михаилом II, ведь именно в пользу младшего брата отрёкся Николай II в марте 1917 года. Убийство Михаила Александровича послужило своего рода сигналом к началу кровопролития между представителями семьи Романовых, оставшимися в России».

Было ощущение, что учительница рассказывает о своей собственной разбитой мечте, связанной с тайной сутью её минувшей жизни. Её живая душа осталась там, за порогом революции, а здесь существовала только телесная выжимка, напоминавшая сушёный гриб. Про Мотовилиху она знала всё, словно выросла здесь: «Символом Мотовилихи был пятидесятитонный паровой молот. Когда он работал, в городе дрожали стёкла. Когда Каму подтапливало и все улицы превращались в реки, люди ходили по деревянным высоким тротуарам. Мотовилиха — это классический город-завод»...

По дороге Ася зашла в аптеку. С отцом договорились встретиться на вокзале. У луноликого выреза в стекле стояла старушка в серой юбке древнего образца, серой ситцевой рубахе в мелкий серо-зелёный цветочек. Она учтиво что-то говорила молодому аптекарю, а он отказывался, отнекивался.

— Ну дай... последний раз прошу.

— Баб Шур, ну чесслово, не могу.

— Да что ж ты за паршивец такой? — начинает тихо закипать старушка.

Ася в ожидании тёрлась у прилавка с бинтами и ватой. Старушка, чуть ли не флиртуя, наседала на аптекаря.

— Слышь ты, мне Верка говорила, что ты помог.

— Баб Шур, отстань, — уже злился аптекарь. Что-бы отвлечься от назойливости бабы Шуры, обратился к Асе: — Девушка, вам помочь?

— Мне это... — Ася застеснялась. К такому бы аптекарю на свиданье бегать. Если она сейчас попросит бинты и вату, он обязательно догадается, для чего.

Аптекарь и старушка внимательно ждали, отчего Ася ещё больше раскраснелась и практически впала в ступор.

— П...да болит? — вытряхнула старушка на Асю крепкое слово.

Коротко, ёмко и по-человечески. Ася к такому не привыкла, она стояла, хлопала ресницами и туго соображала: согласиться, сбежать, расплакаться? Старушка, прям как та жаба в телефонной будке, уничтожила её одним движением языка.

— Вам прокладки? — аккуратно уточнил аптекарь.

— Нет! Сиськи мять! — бухнула старушка. — Чё девку ступоришь?

— Ладно, схожу посмотрю. — Аптекарь тихо пропал в дверях подсобки и появился с припрятанным товаром «для своих».

— Тридцать шесть копеек.

Старушка восхитилась щедрым жестом аптекаря.

— Это тебе не фронтовые придорожные лопухи. Эх, девка, подфартило. — Заметив сдачу, быстро улыбнулась. — Слышь, у тебя чё по деньгам? Есть подсобить на лекарство?

Асина рука, уже готовая собрать монеты, замерла.

— Не давайте, — предупредил аптекарь.

— Аскофену мне, — взбунтовалась старушка. — Шесть копеек.

Ася отсчитала монеты, пошла на выход. Теперь главное — добраться до вокзала. Старушка права, у Аси уже болит всё...

Ася росла стеснительным ребёнком, лишних вопросов родителям не задавала, да и вообще никаких вопросов не задавала. Она считала, что родители настолько древние, что в современности ничего не смыслят. Чаще всего разговор с дочерью провоцировала мать. Однажды сцепились по пустяшному

вопросу. Мать открыто заявила, что все скоро забудут Ленина, а вот Бог рядом будет всегда. Каково такое слушать? Ася пришла к выводу, что мать захворала или под старость лет сошла с ума. «Как можно забыть Ленина? Он лежит в Мавзолее. Хочешь посмотреть? Сходи. Шесть часов очереди — и ты у самого великого гроба. А где Бог? Покажите мне его! На небе? Гагарин летал и не встретил. Чего-то, маменька, ты не понимаешь. А раз не понимаешь, нечего голову морочить». Мать не спорила, уходила на кухню и варила пустые щи или кашу. На большие праздники в щи добавлялось мясо, а в кашу — молоко.

Ася вышла к набережной, залитой июньским солнцем. Видимо, у неё внутри находился какой-то компас, который заставляет идти к воде. Тот же компас заставляет искать место поукромнее, тихо ойкать от прохлады речной воды. Ничего сложного, простые телодвижения, это может сделать любая идиотка. Ася сидит в воде, словно наседка на яйцах, и купается в запредельном блаженстве. Как мало человеку надо! И уже плевать на институт, на неудачу с подачей документов. Одно только беспокоит: сердце разрывается от вероятности оказаться увиденной неизвестными людьми. Они сразу всё поймут. Об этом противно думать и постыдно говорить, хотя это один из законов природы.

В воздухе висел комар. Его жужжанье медленно и лениво кружило над водой.

— Вылазь! Хвору прихватишь.

Ася сдавленно взвизгнула, подскочила, юбка парусом легла на воду. Она стояла в воде, потрясённо глядя сквозь кусты на бабу Шуру. От ветра её седые волосы шевелились старой рваной паутиной, а рубашка и юбка пузырились монументальной серостью крейсера «Аврора». Очевидно, топталась она давно, потому что уже скинула обувь и грела пятки о камни.

Каким образом она нашла Асю? Торопилась следом? Ася не подозревала, что за ней подглядывали. Вероятнее всего. Иначе найти её среди завитков кустов было бы невозможно.

— Не смотри так. Я ж в войну в разведку ходила. Так запаршивеешь, что на другой край земли по-прёшь. Мы однажды с одним узбеком пошли, я не удержалась, отпросилась на речку — взбрызнуться. Вертаюсь, а на берегу пять немцев вповалку. «Как? — спрашиваю. — Один управился?» А он: «Он тебя смотреть. Я патрон нет, гранат нет, сапёрным лопатком твою мать один немец ёб, второй ёб, другой биляд ёб». Совсем молодой узбек был. Я его ташу, раненого, а он просит бросить. «Ты биляд, сам кровь!» Совсем зелёный узбек... — негромко, почти просительно сказала она. — Твой красный плащ хороший ориентир.

Камень, на котором стояла старушка, и впрямь был тёплым. Знал, наверное, что сегодня пригодится двум особям, и потому целый день старательно вбирал в себя щедрость солнца.

Старушка присела рядом — надёжно устроилась, растопырив руки, вытянула ноги, подставила лицо солнцу. Кожа на лице как кора древнего тополя, шишковатые локти, колени, пальцы на ногах криво топорщатся, наползают друг на друга.

— Ты пойми, это очень важно для меня.

«Что важно?!» — Ася потянула край плаща, на который тощим задом попала старушка. Прорезиненная ткань лениво зашуршала по камню.

— Я пойду, меня уже, наверное, отец потерял.

— Руку дай?

Ася с сомнением протянула руку, почувствовала прохладу и жёсткость старости. Баба Шура сжала Асины пальцы.

— За лекарство спасибо. Загадай желание. Выполнию.

«Мужа хорошего», — с лёгким замиранием сердца подумала Ася. Тут же отругала себя за нелепость. Могла бы додуматься до чего-то более оригинального.

— Что ж это у тебя в башке творится! — возбудилась баба Шура, словно услышала Асины мысли. — Впервые такое желание слышу.

— Извините! — глухо проговорила Ася. — Мне... уже нужно идти.

Поднялась и пошла.

Резкий окрик, остервенелая ругань — и вот уже старушка обогнала Асю, трепеща на ветру широкой серой юбкой, болезненно ступая кривыми пальцами.

— Подумай! Я не каждый раз предлагаю.

И Ася сказала негромко, но на этот раз очень твёрдо:

— А мне нравится моё желание, — и почувствовала себя влюблённой, а так как рядом не было прекрасного принца, то она заменила его радостью жизни. Она всем телом почувствовала, как за этим непродуваемым красным плащом, за этой влажной юбкой, за этим жарким днём таится бездна нежности. Ася глянула на старушку и вдруг заулыбалась ещё светлее.

И тогда старушка поняла, что желание, пожалуй, уже работает, остановилась, вся как-то засветилась тихим светом, преобразилась, заискрилась так счастливо и глупенько, словно ей только что предложили выйти замуж, а она абсолютно не была к этому готова.

Ася шла к вокзалу, а улица неожиданно расступилась, перестала казаться серой длинной линией и окружила девушку, чтобы подарить ей разные песни: «Красная стрела...», «Миллион, миллион алых роз...».